Общая газ. - 1995. - 7 сент. - с.6.

МЕНЯЕМ ОПТИКУ

Сны о едином

Георгий Дмитриевич ГАЧЕВ – филолог, музыковед, эссеист, культуролог. Пока теоретики дружбы и розни народов ломают копья и головы над рецептами своих горячих блюд, он уже лет тридцать пишет в тиши кабинета свой многотомный труд «Национальные Образы Мира». Книгу о том, что договориться между собой можно, только осознав, чем ты отличаешься от другого...

Георгий ГАЧЕВ

У Гераклита есть такое изречение: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный» (фрагмент 94). Так что национальные образы мира – это, так сказать, СНЫ НАРОДОВ О ЕДИНОМ.

«Зачем же заниматься снами?» – вы спросите. А чтобы не принимать их за действительность и осознавать ограниченность и локальность наших даже самых общих представлений об Истине.

Первое, ОЧЕ-видное, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Тело земли: лес (и какой), горы, степи, море, пустыня, тундра, вечная мерзлота; климат умеренный или подверженный катастрофическим изломам; животный мир, растительность – все это предопределяет национальную модель мира: устроен ли Космос как яйцо, как древо (ясень Иггдразилль в скандинавском эпосе), как утроба кита (Левиафан и Моби Дик) или как священный конь или верблюд (у кочевников).

Природа – скрижаль Завета, которую данный народ призван прочитать, понять и реализовать в ходе истории. Здесь является новый актер в этой драме – Труд, создатель Культуры на этой земле. Труд работает в соответствии с Природой и в то же время восполняет то, чего не дано стране от природы. Например, в Нидерландах, где природа отказалась дать достаточно земли своему народу, последний расширил себе территорию по вертикали и по горизонтали благодаря своему труду. Другой пример – Россия. Она – страна равнин и степей, так что Природа изначально отказала ей в вертикали бытия. И вот, как бы в компенсацию, в России в ходе истории выстроилась искусственная гора гигантского Государства, с его громоздким аппаратом. И жизнь страны обрела таким образом вертикальное измерение.

Уникальный пример являет собой Еврейство. В то время как все другие национальные целостности сочетают Космо-Психо-Логос, этот народ смог существовать в ходе истории без своей природы. Благодаря этой своеобразной ущербности он и есть избранный Народ. Еврейский вариант я определяю как *«Психо-Логос» минус «Космос»*. И как в математике минус, отрицательное число есть не просто отсутствие, но значащая величина, так и *минус «Космос»* – весьма значащее отсутствие. Космос как бы вдавлен в Этнос. Главная заповедь – жить, выжить: «Быть живым, живым и только, живым и только, до конца» – как это выражено Пастернаком.

Итак, если национальный Космо-Психо-Логос может быть понят как Судьба народа, то под его Свободой я понимаю Труд, Историю и Культуру.

Что наиболее важно и «врожденно» тому или иному народу в его культуре? К примеру: *Пространство или Время*? Для немцев – Время («Бытие и Время» – философский труд Хайдеггера). Для русских – Пространство: даже священное слово «страна» – того же корня. Англо-саксонское уравнение «время = деньги» не могло бы прийти в голову русским. Или возьмем преобладание *горизонтального* и *вертикального* измерений. Для России, страны «бесконечного простора» (выражение Гоголя), горизонтальные идеи: Даль, Ширь, Путь-дорога – превалируют в шкале ценностей. Для Германии архетипы Глубь и Высь и структура Дома (Haus) усматриваются априори во всем. То же самое в Италии, где слово «комната» (Stanza) – значит «стоянка», а приветствие «Как живешь?» (Come sta?) – «Как стоишь?». Тут проступает различие уже внутри вертикальной ориентации. Италия – космос *нисходящей вертикали*. В Италии – купол, арка суть образы неба, опускающегося на землю. И в итальянской музыке «мелодия с вершины» (как этот тип мелоса именуют в музыковедении), ниспадающая арками, типична. В германской музыке, напротив, восходящее усилие преобладает: сравните аналогичные по настроению и выразительности предсмертный дуэт Аиды и Радамеса у Верди и смерть Изольды у Вагнера. В последней – карабканье в высь, завоевание ступени за ступенью. Это же стремление в высь – и в разработках бетховенских сонат и симфоний.

Культуры и ментальности различаются и в том, как в них понимается происхождение мира и всего сущего. Порождаются ли они Природой, или производятся Трудом? Эти два принципа я называю ГОНИЯ и УРГИЯ: последнее – от греческого суффикса ourg, что значит: «делать», «работать», как в «деми-ург» или как в моем имени Ге-орг-ий, что значит: «возделывающий землю».

Фома и Ерема. Русский лубок XVIII в.

В Германии УРГИЯ превалирует. Даже слово Baum («дерево») означает нечто «построенное», от глагола bauen – «строить». И «крестьянин» по-немецки – Bauer, то есть «строитель». В России же возникновение вещей понимается более пассивно – с нашей, человеческой стороны: Бог знает, как все произошло, может быть, само собой сложилось...

В Англии обитает self-made man («само-сделанный человек»). И там спрашивают не «Как поживаешь?», а «How do you do?» – «Как ты делаешь дело?». И даже в молитве Господней фраза «Да будет воля Твоя» звучит по-английски – «Thy will be done» («Твоя воля да будет СДЕЛАНА»).

Интересно отдать себе отчет и в том, какой из основных вопросов существенен для нации? Что? Почему? Зачем? Как? Кто? *«Что это есть* такое?» – характерно для греков: вопрос о Бытии. *«Почему?»* – важнейший для немцев: их интерес направлен к причинам вещей. Мир предполагается состоящим из двух частей: «Я» и «Не-Я» (как в философии Фихте). Для французов тот же самый вопрос звучит «Pourquoi?» (*«Для чего?»*). Цель важнее Причины. Сущность всего полагается лежащей где-то впереди, в будущем. Отсюда французские теории прогресса (Руссо, Кондорсе), эволюции (Ламарк, Тейяр де Шарден), социальные утопии (Сен-Симон, Фурье, Конт).

Между прочим польское «Почему?» звучит как «Dlaczego?». Не случайно столь сильное взаимное притяжение между Польшей и Францией в политике и культуре: напомню только о Шопене и Жорж Санд. А вот для англичан и особенно для американцев главный вопрос будет *«Как?»*. Как вещь работает? Как сделана? Принцип «Ноу-хау» распространился по миру – и отсюда бесконечное количество книг про «How to...» – «Как добиться успеха?», «Как приобретать друзей и влиять на людей?».

А основной вопрос для русских?

О, это самое трудное: определить то, что близко. «Кто виноват?». И наш стиль взаимных подозрений: кто ты? каков? «А ваши кто родители?..» Анкеты, вопросники, расследования подноготной в отделах кадров и КГБ. Автобиографии. И сейчас мы снова вопрошаем: кто виноват в наших бедах? Кто наш бес, искуситель, враг? Но есть и благородный, возвышенный аспект в этом интересе к мучительному «Кто?». Это – гуманизм русской классической литературы, ее интерес к внутренней жизни души, духа: Толстой, Достоевский, Платонов.

Однако в последнее время, когда будто выбивается из-под тебя земля, на коей стоял, тает льдина, где мир-космос твой, основной вопрос в России: ЧЕЙ? Русскому человеку потребно чувствовать свою принадлежность какому-то целому, чему-то больше его: Родине, Идее, Богу. Это сегодня слышится даже в песенке, милой, детской, старой – про чибисят: «Ах, скажите: чьи вы?..» И если и могли обличать русскую и советскую цивилизацию и хорошо творить русскую культуру блудные ее сыны – Чаадаев, Лермонтов, Белинский, Ленин, Мандельштам – то лишь потому, что крепко стоял Отец, и при нем был Сын послушный. И было в крайнем случае всегда куда возвратиться. Теперь у нас, кажется, ни отцов, ни сынов послушных, а из одних блудных сынов уповаем страну заново построить... Но проблема есть: речь не мальчика, но мужа – когда на Руси раздастся?

Конечно, все эти элементы: Пространство и Время, вертикаль и горизонталь, «ургия» и «гония», «Почему» и «Кто» – существуют в каждом национальном образе мира. Но я выясняю главные акценты. То особое сочетание элементов, общих всем народам, которое и образует национальный образ (или модель) мира.

Естественно спросить: а изменяется ли национальный образ мира в ходе истории? Да... Но незначительно.

Это – род Ветхого Завета для каждого нового поколения, которое пишет свой Новый Завет. Но пишется он всегда по скрижалям Ветхого.